ИСТОРИЯ НАУКИ

Я.М. ПАРОМОВ
YA.M. PAROMOV

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ В РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XXI в.)
AN OUTLINE OF THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGICAL CARTOGRAPHY IN RUSSIA (XVIII – BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Памяти Е.Я. Рогова

Возможно, нет ничего трогательнее дани, приносимой памяти товарища. С Евгением Яковлевичем Роговым мы познакомились в 1986 г., но только в 1997 г. судьба сблизила нас на Таманском полуострове, где я работал с 1971 г., и на который Евгений Яковлевич вступал тогда впервые. Все начиналось так: весной 1997г., после непростой встречи с Г.А. Кошеленко, ко мне домой пришли петербургские археологи К.К. Марченко, Е.Я. Рогов, Ю.А. Виноградов и С.Л. Соловьев. Говорили о многом и, конечно, о памятниках Тамани, о раскопках и разведках. Для меня очень важным в нашем разговоре было приглашение принять участие в исследованиях Южно-Таманской античной комплексной археологической экспедиции (ЮТАКАЭ) Государственного Эрмитажа под руководством С.Л. Соловьева. Разведки в ней, как выяснилось позже, по отдельному Открытому листу должен был возглавить Е.Я.Рогов. Обследовать предстояло округу поселка Волна. Надо сказать, что предложение петербургских коллег совпало с моим заветным желанием. Ранее мне не удавалось уделить достаточного внимания этому району Таманского полуострова. Теперь открывалась замечательная возможность дополнить и уточнить его археологическую карту. С этой встречи до последних дней Евгения Яковлевича мы, говоря фигурально, были неразлучны. Четыре года (1997–2000) я занимался разведками в его отрядах: уже упомянутом Разведочном отряде ЮТАКАЭ (1997), а также Бугазском (1998) и Таманском (1999, 2000) отрядах Боспорской экспедиции ИИМК РАН. Работы проводились совместно с Вестфальским университетом (Германия) по программе «Боспорские греки и их соседи в античное время», предусматривавшей исследования по двум основным направлениям: 1) разведки памятников в юго-западной части Таманского полуострова и 2) раскопки ключевого по теме памятника – поселения Вышестеблиевская-11. Программа выглядела заманчиво. Реальная действительность складывалась несколько по-иному. Почти все силы и внимание Евгения Яковлевича отдавались раскопкам. На первых этапах – углубленному обследованию поселений эпохи архаики – Средневековья Артющенко-2 и Вышестеблиевская-11, а также стационарным раскопкам поселения Артющенко-2. В дальнейшем главные усилия были перенесены на поселение Вышестеблиевская-11,

исследования которого приносили более ценные и важные для науки материалы. Следует отметить, что много сил и внимания со стороны Евгения Яковлевича требовало также присутствие в экспедиции немецких ученых. В этой ситуации разведки оказались своего рода Золушкой – без транспорта и практически без сотрудников. Вначале у меня были помощники из отряда (чаще всего ими являлись С.В. Кашаев и О.В. Андреева), позже работать приходилось практически в одиночку. Утром я укладывал в сумку папку с картами и аэрофотоснимками, пенал, фотоаппарат, сигареты, бутылку с водой, брал палку с острым концом и уходил. Возвращаясь к вечеру, еще издали, чуть ли не за километр, я видел ожидавшего меня Евгения Яковлевича. Мы оба понимали всю тяжесть и сознавали определенную опасность подобных одиночных разведок, однако делать было нечего, иначе не получалось. Радость вечерней встречи превозмогала все тяготы. Сейчас эти минуты вспоминаются как счастливые мгновения жизни. Таким образом за четыре сезона было обследовано 216 памятников (40 поселений и 176 курганов). Помещенную ниже статью прошу принять как скромную лепту в общую копилку бесконечного уважения и любви, которыми друзья и коллеги одарили Евгения Яковлевича Рогова.

Создание археологической карты России всегда являлось одной из первоочередных задач отечественной науки. Однако ее разработка долгое время регламентировалась недостаточной самостоятельностью археологии как отдельной отрасли науки, а также уровнем развития и техническими возможностями российской картографии. Чрезвычайно важным моментом общественного признания и оценки истинного значения археологии было основание в 1859 г. Императорской археологической комиссии (ИАК) – первого государственного археологического учреждения России. Деятельность ИАК по учету и охране культурного наследия выразилась в поисках сотрудничества с Министерством внутренних дел, как по производственной линии, так и в научно-статистической области. Касаясь линии производства, следует отметить, что руководство ИАК дважды (в 1867 и 1868 гг.) обращалось в Департамент общих дел МВД с предложением о сотрудничестве между промышленными компаниями крупнейших строительных объектов (15 железных дорог на территории всей Европейской части России) и Комиссией, согласно которому предусматривалась отсылка в ИАК найденных в процессе производства работ древностей, а также информации о местах их обнаружения [Императорская археологическая…, 2009. С. 80]. Научным соработником Археологической комиссии в деле изучения отечественных древностей и собирания сведений о них явились губернские и областные Статистические комитеты. В этом направлении предполагалось создание своего рода «банка» статистических данных для «нанесения на карты пунктов, замечательных в археологических отношениях» с тем, чтобы «обратить внимание общества на памятники старины», и со временем, по зарубежному опыту (прежде всего французскому), образовать местные археологические комиссии. В этих целях Императорской археологической комиссией в 1862 г. была разработана и в 1863 г. отправлена в МВД «Программа археологических исследований, по которым ожидает-

ся содействие Статистических комитетов», встреченная в Министерстве внутренних дел «с особой готовностью употребить все меры к осуществлению предположений Комиссии» [Императорская археологическая…, 2009. С. 81, 82]. Следует сказать, что Статистические комитеты, куда была разослана «Программа», в свою очередь инициировали широкое привлечение к работе по ней местной интеллигенции – приходского духовенства и сельских учителей.

Позднее к активной деятельности и сотрудничеству с ИАК в области выявления, учета и сохранения археологических памятников, а также в сфере их изучения присоединилось значительное число вновь создаваемых Губернских ученых архивных комиссий. Все перечисленные выше усилия и мероприятия, все действия и работы носили предварительный характер, были всего лишь подготовительными, являясь своего рода приступом к разрешению этой не только научной, но в определенном смысле государственной, национальной задачи. Хотя здесь же следует отметить, что в этой области были и вполне конкретные успехи, пусть даже только локального значения и характера. Наглядным примером этого может служить Таманский полуостров, обследованный по поручению ИАК в первый же год ее существования (1859) доцентом Московского университета К.К. Гёрцем, опубликовавшим в двух книгах обзор археологической топографии полуострова и историю его исследований [Гёрц, 1870; 1875]. Позднее сведения об этом регионе были дополнены двумя действовавшими самостоятельно учеными-одиночками: отставным казачьим офицером М.О. Поночевным [1891] и директором Темрюкского музея С.Ф. Войцеховским [1929–1930]. Несколько штрихов в общую картину древностей Таманского полуострова внесла экспедиция РАНИОН 1926–1927 гг. [Башкиров, 1927; 1928]. Однако особого внимания заслуживают исследования экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. под руководством репрессированного в 1933 г. ученого с европейским образованием А.А. Миллера. Разведки в ней возглавлял А.А.Иессен. К сожалению, их результаты практически не опубликованы. В Научном архиве ИИМК РАН сохранилась рукописная карта, на которой в пределах Таманского полуострова обозначены 88 обследованных поселений античного и средневекового времени, а также четыре дифференцированных плана полуострова, на которых показаны памятники эпохи камня и бронзы, поселения архаического и классического, эллинистического и римского периодов, раннего Средневековья и турецко-татарского времени [НА ИИМК РАН, РА, Р-1, № 158, инв. 1210; № 160, инв. 1303–1306; Паромов, 1992. С. 124–131, рис. 2]. Это был новый для своего времени подход научного осмысления археологической карты с целью изучения в пределах определенного региона всего процесса развития материальной культуры в ряде последовательных изменений и преобразований [Миллер, 1931. С. 26, 27].

Обращаясь к уровню развития и техническим возможностям отечественной картографии (второй составляющей нашей темы), следует, прежде всего, отметить чрезвычайно высокую насыщенность российских топографических карт археологической информацией. При этом следует принять во внимание, что археологическая

нагрузка закладывалась в карты геодезистами без участия археологов или их указаний, различные объекты нашли на них свое отображение лишь в силу собственной ландшафтной выразительности. В качестве примера представим краткий анализ шести карт Таманского полуострова екатерининского времени (1786–1794), хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА): пяти рукописных и одной гравированной, выполненных в масштабе 4 версты в 1 английском дюйме (в 1 см – 1,68 км; одна из рукописных карт имеет масштаб 8 верст в дюйме = 3, 36 км в 1 см) [РГВИА, ВУА, Ф. 846, оп. 16, № 25887; 21159; 21468; 23629; Ф. 349, оп. 40, № 1757; Ф. 422, д. 615]. Площадь Таманского полуострова составляет около 1200 кв. км. На каждой из шести карт показано от 70 до 122 курганов и от 3 до 6 крепостей-батареек античного и средневекового времени, остатки 43–47 поселений турецко-татарского периода, на трех картах обозначен Киммерийский вал, реально изображенный всеми четырьмя участками. Таким образом, археологическая нагрузка на этих «снятых по инструменту» картах екатерининского времени составляла от 102, 5 до 144, 2 памятника в расчете на 1000 кв.км. Учитывая недавно опубликованные данные, эти показатели следует признать высокими [Макаров и др., 2016. С. 8]. Для карты из книги К.К. Гёрца [1870, № 2], отличающейся от екатерининских лишь хромолитографическим исполнением (при той же технике съемки и том же масштабе), этот показатель равен 113,3 памятника. Для топографической карты, использовавшейся в исследованиях А.А. Иессена и А.А. Миллера (дореволюционная двухверстка, в 1 см – 0,84 км) [НА ИИМК РАН, РА, Р-1, № 158; Миллер, 1932. С. 45], эта цифра равна 183,3; с учетом обследованных и нанесенных ими на карту 88 древних поселений, условная археологическая нагрузка возросла до 255,8 памятника.

В русле нашей темы необходимо отметить, что геодезия и картография нового времени, зародившиеся в России позже, чем на Западе, в своем развитии быстро достигли мирового уровня и в начале XX в. вышли на самые передовые позиции. Становление научного картографирования в нашем Отечестве было связано с деятельностью Географического департамента АН, возглавлявшегося в XVIII в. (с 1758г.) М.В. Ломоносовым. В XVIII и XIX вв. обязанности картографо-геодезической службы выполняли Корпус военных топографов, уже упомянутый Географический департамент АН, Русское географическое общество и Межевое ведомство. Высокий уровень российской картографии во многом объясняется ее тесной связью с академической наукой и ее достижениями. Использование карт началось с разрешения главнейшей задачи – исчисления площади государства Российского, чему в той или иной мере способствовали труды С.У. Ремезова, В.Н. Татищева, В.Л. Крафта, Н.Е.Зернова и др. Исследования А.А. Титло и его преемника Ю.М. Шокальского, картометрировавших длины и бассейны более трех тысяч рек России, были удостоены золотых медалей Петербургской и Парижской академий наук. Использование самых информативных и точных для своего времени карт способствовало открытию фундаментального закона географической зональности (А. Гумбольдт, В.В. Докучаев). В 1916г.

В.И. Вернадским была предложена программа централизации геодезических и картографических работ в России, реализованная позже в виде учреждения Высшего геодезического управления (1919 г.) и Главного управления геодезии и картографии при Совете министров СССР (1967 г.), в настоящее время – Федерального агентства (Роскартография, 2004 г.). Итогом грандиозной по объему многолетней работы картографо-геодезической службы России является полное обеспечение всей территории страны топографическими картами масштабов от 1:25000 до 1:1000000 и около четверти территории картами масштаба 1:10000. Все города, поселки и промышленные зоны обеспечены необходимыми для грамотного землепользования и ведения хозяйства топографическими планами масштабов 1:5000, 1:2000 и крупнее.

В процессе совершенствования наземных топографических съемок, с одной стороны, и технического исполнения (гравировки и литографирования) листов топографических карт – с другой, в них постоянно увеличивалась и накапливалась так называемая условная археологическая нагрузка. В этой связи следует особо отметить, что современные крупномасштабные карты на редкость информативны. Прежде всего это относится к листам масштаба 1:10000 (в 1 см – 100 м). Дело в том, что сама работа над картами этого масштаба, создание и выпуск ее листов стали возможны лишь после широкого привлечения в картографию специальных плановых аэрофотосъемок и использования при изготовлении (отрисовке) карт метода стереофотограмметрии и специального оборудования. На Западе эти революционные технологические изменения произошли в первой трети и второй четверти XX в., а в нашей стране – уже после Великой Отечественной войны. Качественное отличие новых карт от старых, отрисованных по данным наземной геодезической съемки, заключается в том, что старые карты отрисованы методом интерполяции пространства между точками съемки, которые (и только которые) являются на листе карты истинными, в то время как все элементы (прежде всего – горизонтали) новой карты отрисованы по стереопаре аэрофотоснимков в системе непрерывной реальности. Это в отличие от старых карт дает принципиально иную, достоверную по всему полю листа картину земной поверхности, содержащую ценную для археологии информацию: отображение курганов, прямолинейных лощин, являющихся следами древних дорог, микрорельефа остатков древних поселений, дамб и других объектов.

Однако в гораздо большей степени, чем карты, археологической информацией насыщены плановые аэрофотосъемки, являющиеся исходным материалом или источником при создании карт. Их информативность ни с чем не идет в сравнение. В особенности это относится к тем регионам, где значительные площади, а иногда, как на Таманском полуострове, практически вся территория распахана. Распашка, если так можно выразиться, содрала кожу земли, обнажив, как сухожилия и мышцы на статуе Гудона, скрывавшиеся под травяным покровом следы деятельности человеческого сообщества на протяжении многих веков. В совокупности эти следы представляют собой достаточно полное отображение древних систем расселения с их основными элементами: поселениями и дорогами, курганными и грунтовыми

могильниками, межеванием земельных наделов, укреплениями, дамбами и другими искусственными сооружениями [Паромов, 2008. С. 200, 201; 2010. С. 78, 79].

Отдельно не останавливаясь на зарубежном и отечественном опыте применения аэрометодов в археологии, а также использования геоинформационных систем и дистанционного зондирования, достаточно подробно освещенных в коллективном исследовании о древностях Кисловодской котловины [Афанасьев и др., 2004. С. 50–60], необходимо совершенно определенно сказать, что в этой области успехи еще чрезвычайно редки. Археологическая информация, содержащаяся в крупномасштабных картах и плановых аэрофотосъемках, до настоящего времени еще представляет собой практически не озвученный, не переведенный на язык науки материал. Он представляет собой лишь источник. И каким бы ценным он ни являлся, до его изучения профессиональным археологом, расшифровки и проверки непосредственно на памятнике, этот материал не может быть переведен в категорию достоверных научных знаний.

В нашей литературе специальной теме археологической картографии посвящена, вероятно, только одна работа [Монгайт, 1962], в которой известный советский археолог, подробно анализируя отечественный и зарубежный опыт, определяет задачи и возможности археологического картографирования. На первое место среди выделяемых им задач помещено установление, уточнение и изображение пространственного размещения археологических памятников на земной поверхности, создание обзорной карты научно-справочного характера как основы для дальнейших археологических исследований, исторических выводов и обобщений. Иными словами, первой задачей является составление «Основной археологической карты», включающей в себя все археологические памятники изучаемой территории на основании использования всех источников и сплошного ее обследования [Монгайт, 1962. С. 16, 17].

На второе место среди задач им было поставлено обобщение материалов и обоснование выводов в отношении явлений, куда входят: 1) составление карт, показывающих географическое размещение археологических культур; 2) изучение и изображение (пространственный анализ) локализации, перемещений, взаимосвязей и взаимовлияний археологических культур и этнических групп; 3) пространственный анализ размещения и распространения отдельных видов производств и ремесел, сельскохозяйственных культур и т.п., а также отдельных типов артефактов; 4)определение и изображение этнических, политических и других границ; 5) определение экономических связей и торговых путей; 6) пространственное изображение процессов и явлений этнического, экономического, культурного и политического характера, определенных по археологическим данным. В отдельную задачу им было выделено установление и изображение взаимосвязи общественных явлений прошлого (способов ведения хозяйства, колонизационных перемещений, экспансий и т.д.) и влияния на них географических факторов [Монгайт, 1962. С. 17]. Эти основные положения в рассматриваемой статье достаточно наглядно иллюстрированы картой экономических связей на территории

Европы в эпоху бронзы, выполненной автором по материалам Г. Кларка, картой взаимосвязи ареалов распространения лессовых почв и первых земледельческих культур Европы в середине III тысячелетия до н.э. (по Граману и Г. Чайлду) и картой зависимости расположения отдельных поселений I дунайской культуры того же времени от наличия легких в обработке лессовых почв (по Граману и Бутлеру) [Монгайт, 1962. Рис. 1, 3, 4].

Публикация статьи А.Л. Монгайта была весьма своевременной. В 1957 г. Институт археологии одновременно с началом издания журнала «Советская археология», в котором печатались статьи археологов всей страны, в целях выведения на новый уровень источниковедческой базы своей науки приступил к подготовке монументального издания «Свод археологических источников» (САИ), рассчитанного на 350–400 выпусков. Инициатором этого издания – академиком Б.А. Рыбаковым – было твердо заявлено, что задача каждого «Свода» заключается в составлении полной археологической карты по данной теме, призванной быть фундаментом для построения обоснованной новейшими методами типологии вещей, сооружений и комплексов отдельных археологических культур [Рыбаков, 1984. С. 6].

Не менее чем САИ, идеями археологической картографии было сцементировано задуманное двадцатитомным фундаментальное издание «Археология СССР», к подготовке первых томов которого институт приступил в 1960-е годы, одновременно с выходом первых «Сводов». Задача этого издания была очень близка к задаче САИ: им также охватывался весь доступный археологам материал, но в итоговое оформление темы он выходил в обработанном, уплотненном виде. Издание создавалось с целью дать мировой исторической науке возможно более полное, систематизированное представление об огромном археологическом материале всех эпох – от палеолита до развитого Средневековья, собранном на всей территории СССР [Рыбаков, 1984. С. 5, 7]. Издание было осуществлено почти полностью; с 1981 до 2003 г. под общей редакцией академика Б.А. Рыбакова вышло 18 томов, от первого – «Степи Евразии в эпоху Средневековья» [1981] до последнего – «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв.» [2003].

Все карты в фундаментальных институтских изданиях создавались по одному принципу или, лучше сказать, в едином ключе – на основе использования гидросети. Ее изображение с привычными и легко узнаваемыми речными системами, а также контурами морских берегов и озер явилось наиболее удобной формой для зрительного восприятия (визуализации) пространственного положения памятников археологии, отдельных находок, ареалов археологических культур и другой научной информации. Для этих целей были выбраны гидросети различных масштабов: от одной миллионной (в 1 см 10 км) до одной десятимиллионной (в 1см 100 км). Следует отметить, что потребность в картах для изданий института была столь велика, что в 1960 г. в связи с подготовкой первых выпусков «Свода археологических источников» был создан кабинет картографии, которым заведовала Л.Н. Пулькина – профессиональный геодезист-картограф. Ею и руководимой ею

группой были выработаны основные принципы составления карт для «САИ», «Археологии СССР» и других фундаментальных издательских проектов [Институт археологии: история и современность, 2000. С. 198].

В 1972 г. в Институте археологии для реализации государственной программы по изданию «Свода памятников истории и культуры народов СССР» был создан отдел археологических сводов и карт. Накопленные в архиве отдела паспорта на 42 тысячи памятников 66 регионов России легли в основу инициированной Ю.А. Красновым, новым руководителем отдела, серии «Археологическая карта России» (АКР). С 1992г. до 2020 г. из печати вышел 31 том с информацией о 25436 памятниках археологии 14 областей (Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской), республики Мордовия и Москвы (Ч. 1). Все карты в АКР выполнены в соответствии с изложенными выше принципами и установлениями археологического картографирования. Более подробно они рассматриваются в статье Т.Д. Николаенко, посвященной методике разработки, структуре и научному потенциалу археологической карты Нижегородской области [Николаенко, 2017].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.

Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды этнографо-археологического музея I МГУ. № 3. 1927. С. 26–40.

Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. III. М., 1928. С. 71–86.

Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки СКОАИЭ. Кн. I (т. 3), вып. 5–6. Ростов-на-Дону, 1929–1930. С. 4–9.

Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.

Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года // Труды МАО. Т. VI. Вып. 1. 1875. С. 1–40.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.

Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. М., 2000.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» // РА. № 4. 2016. С. 5–15.

Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // Сообщения ГАИМК. № 1. 1931. С. 26–29.

Миллер А.А. Выставка работ экспедиций Государственной академии истории материальной культуры // Сообщения ГАИМК. № 7–8. 1932. С. 43–50.

Монгайт А.Л. Задачи и возможности археологической картографии // СА. № 1. 1962. С. 16–35.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область: методика разработки, структура, научный потенциал // КСИА. Вып. 249. Ч. I. 2017. С. 318–323.

Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник 1. М., 1992. С. 109–146.
Паромов Я.М. Методика разработки современной археологической карты Таманского полуострова // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М., 2008. С. 198–210.
Паромов Я.М. Общие вопросы археологического обследования территории (на примере Таманского полуострова и хоры Ольвии) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 12. Нижний Новгород, 2010. С. 76–103.
Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1891. С. 1–60.
Рыбаков Б.А. Предисловие к «Археологии СССР» // Палеолит СССР. М., 1984. С. 5–8.

REFERENCES

Afanas'ev .E, Savenko S.N., Korobov D.S. *Drevnosti Kislovodskoi kotloviny*.M.,2004.
Bashkirov A.S. Arkheologicheskoe obsledovanie Tamanskogo poluostrova letom 1926 goda.*Trudy etnografo-arkheologicheskogo muzeia I MGU*.№ 3. 1927, pp. 26–40.
Bashkirov A.S. Arkheologicheskoe obsledovanie Tamanskogo poluostrova letom 1927goda.*Trudy sektsii arkheologii RANION*.III. M., 1928, pp. 71–86.
Gerts K.K. *Arkheologicheskaia topografiia Tamanskogo poluostrova.*M., 1870.
Gerts K.K. Istoricheskii obzor arkheologicheskikh issledovanii i otkrytii na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiia do 1859 goda. *Trudy MAO*. vol. VI. Vyp. 1. 1875, pp. 1–40.
Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissiia (1859–1917): *K 150-letiiu so dnia osnovaniia.U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediia* SPb.,2009.
Institut arkheologii: istoriia i sovremennost'.*Sbornik nauchnykh biografii*.M., 2000.
Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N. Rossiia kak arkheologiheskoe prostranstvo: pervye itogi raboty po sozdaniiu natsional'noi geografo-informatsionnoi sistemy "Arkheologicheskie pamiatniki Rossii".RA.№ 4. 2016, pp. 5–15.
Miller A.A. Tamanskaia ekspeditsiia GAIMK. *Soobshcheniia GAIMK*.№ 1. 1931, pp. 26–29.
Miller A.A. Vystavka rabot ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury. *Soobshcheniia GAIMK*. № 7–8. 1932, pp. 43–50.
Mongait A.L. Zadachi vozmozhnosti arkheologicheskoi kartografii.*SA*.№ 1. 1962, pp. 16–35.
Nikolaenko T.D. Arkheologicheskaia karta Rossii. Nizhegorodskaia oblast': metodika razrabotki, struktura, nauchnyi potentsial.*KSIA*. № 249. Part. I. 2017, pp. 318–323.
Paromov Ya.M. Ocherk istorii arkheoloo-topograficheskogo issledovaniia Tamanskogo poluostrova. *Bosporskii sbornik 1*.M., 1992, pp. 109–146.
Paromov Ya.M. Metodika razrabotki sovremennoi arkheologicheskoi karty Tamanskogo poluostrova. *Drevnosti Yuga Rossii: pamiati Atavina A.G*.M., 2008, pp. 198–210.
Paromov Ya.M. Obshchie voprosy arkheologicheskogo obsledovaniia territorii (na primere Tamanskogo poluostrova i khory Ol'vii). *Nizheorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii.* vol.12. Nizhnii Novgorod, 2010, pp. 76–103.
Ponochevnyi M.O. Geograficheskii ocherk Bosporskogo tsarstva. *Kubanskii sbornik.* Vol.II. Ekaterinodar, 1891, pp. 1–60.
Rybakov B.A. Predislovie k "Arkheologii SSSR".*Paleolit SSSR*.M., 1984, pp. 5–8.
Voitsekhovskii S.F. Opyt vosstanovleniia rel'efa Tamanskogo poluostrova primenitel'no k epokhe Strabona i pozdneishemu vremeni. *Zapiski SKOAIE.* Book I (v. 3), № 5–6.Rostov-na-Donu, 1929–1930, pp. 4–9.

Резюме

В статье на примере Таманского полуострова рассматривается долгий путь развития археологического картографирования в России от раннего этапа – рукописных карт екатерининского времени, независимо ни от чего содержавших ценные археологические сведения, до современных топографических карт, чрезвычайно насыщенных остатками археологических памятников различного рода. Анализируется деятельность Императорской археологической комиссии (ИАК) в связи с постановкой глобальной задачи создания археологической карты России, рассматриваются практические шаги ИАК в этом направлении и взаимодействие ИАК с другими государственными и общественными организациями по этой теме; рассматривается также развитие археологической картографии в связи с достижениями отечественной науки в области географии и изучения ландшафтов. Наибольшее внимание в статье уделено развитию археологической картографии в советское время – расширению круга задач в этой области и появлению новых возможностей в сфере геодезии и топографии (аэрофотосъемки земной поверхности и создание карт нового поколения на основе стереометодов). В заключительной части дан анализ общего состояния по созданию Археологической карты России (АКР) в настоящее время.

Ключевые слова: археологическая карта, курган, поселение, могильник, Императорская археологическая комиссия, геодезия, топография, ландшафт, аэрофотосъемка.

Summary

Using the example of the Taman Peninsula, the article examines the long way of the development of archaeological mapping in Russia from its early stage - handwritten maps of Catherine's time, regardless of anything containing valuable archaeological information, to modern topographic maps, extremely rich in the remains of various archaeological sites. The activities of the Imperial archaeological commission (IAC) in connection with the formulation of the global task of creating an archaeological map of Russia are analyzed. Practical steps of the IAC in this direction and the interaction of the IAC with other state and public organizations on this topic are considered. The development of archaeological cartography in connection with the achievements of domestic science in the field of geography and the study of landscapes is also surveyed. The greatest attention in the article is paid to the development of archaeological cartography in the Soviet era - to expanding the range of tasks in this area and new opportunities in the field of geodesy and topography (aerial photography of the earth's surface and the creation of new generation maps based on stereo methods). In the final part, an analysis of the general state of the creation of the Archaeological Map of Russia (AMR) now is given.

Key words: archaeological map, barrow, settlement, burial ground, the Imperial archaeological commission, geodesy, topography, landscape, aerial photography.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).
+ 7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Paromov Iakov Maximovich, CSc,
Researcher, Inctitute of Archaeology RAS (Moskov).
+ 7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru